
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

COUNTERACTION TO CERTAIN TYPES OF CRIME

УДК 343.34
DOI 10.17150/2500-4255.2016.10(4).740-749

ПРОБЕЛЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ТЕРРОРИЗМЕ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

С.М. Кочои

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления
13 декабря 2015 г.

Дата принятия в печать
10 ноября 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 декабря 2016 г.

Ключевые слова

Терроризм; законодательство о терроризме; террористическая деятельность; террористическая организация «Исламское государство»; террористическое сообщество; юридическое лицо

Финансирование

Работа проводилась при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ за счет средств государственного задания на выполнение НИР по проекту № 2280

Аннотация. Анализируя изменения и дополнения, внесенные в отечественное законодательство о противодействии терроризму, автор статьи связывает нестабильность данного законодательства не только с постоянным изменением форм и видов террористической деятельности, требующим соответствующего правового реагирования. По его мнению, решения законодателя не всегда оказываются эффективными или оптимальными, в связи с чем возникает необходимость внесения в законодательство дальнейших изменений и дополнений с целью совершенствования существующей нормативной базы противодействия терроризму. Рассматривая все законодательные новеллы о противодействии терроризму (изменения и дополнения, внесенные в профильный федеральный закон с момента его принятия в 2006 г.), автор соглашается с некоторыми из них и подвергает критике другие. По его мнению, используемый в Федеральном законе «О противодействии терроризму» понятийный аппарат в целом нуждается в серьезной доработке. При этом он должен быть согласован с содержащейся в антитеррористических нормах УК РФ терминологией («террористическая организация», «террористическое сообщество», «террористическая деятельность» и др.). Автор настоящей статьи поддерживает предложение об установлении уголовной ответственности юридических лиц за отдельные преступления, включая терроризм, однако вносит свои предложения, касающиеся норм УК РФ о террористической деятельности. Они учитывают печальный опыт возникновения международной террористической организации «Исламское государство» (запрещенной в России решением Верховного Суда Российской Федерации) и распространения ее деятельности на многие страны мира. Глобальная угроза, которую представляет собой данная организация, обязывает все государства, включая Российскую Федерацию, ускорить подготовку и принятие дополнительных мер правового характера по пресечению прежде всего ее финансирования и кадрового пополнения.

GAPS IN ANTI-TERRORISM LEGISLATION AND PROPOSALS FOR BRIDGING THEM

Samwel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received
2015 December 13

Accepted
2016 November 10

Available online
2016 December 29

Keywords

Terrorism; anti-terrorism legislation; terrorist activities; terrorist organization «Islamic State»; terrorist community; juridical person

Abstract. The author analyzes changes and amendments to Russian legislation on counteracting terrorism and states that the unstable character of this legislation is only partially explained by the constantly changing forms and types of terrorism activities that require a matching legal reaction. According to the author, the legislative solutions are not always efficient or optimal making it necessary to introduce further changes and amendments to improve the existing normative basis of terrorism counteraction.

The author also examines all legislative novels on counteracting terrorism (changes and amendments introduced in the Federal Law since it was adopted in 2006), he agrees with some of them and criticizes others. In his opinion, the conceptual framework of the Federal Law «On Counteracting Terrorism» in general requires considerable improvement. Besides, it should be brought in agreement with the terminology found in anti-terrorism norms of the Criminal Code of the Russian Federation («terrorist organization», «terrorist community», «terrorist activities», etc.).

Financing

The work is conducted under the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation using the funds of State Task № 2280

The author supports the ideas of establishing criminal liability of legal persons for specific crimes, including terrorism, but introduces his own ideas regarding the norms of the CC of the RF on terrorist activities. They take into consideration the sad experience of the emergence of the international terrorist organization «Islamic State» (banned in Russian by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation) and the proliferation of its activities in many countries of the world. The global threat that the organization poses makes it obligatory for all states, including the Russian Federation, to speed up the preparation and adoption of additional legal measures to suppress, first of all, its financial support and recruitment activities.

Отечественное законодательство о борьбе с терроризмом никогда не отличалось стабильностью. В частности, принятый в 2006 г. Федеральный закон «О противодействии терроризму» к концу 2015 г. был изменен и дополнен 14 раз. Объяснять эту нестабильность антитеррористического законодательства можно по-разному. С одной стороны, постоянно меняющиеся формы и виды террористической деятельности требуют соответствующего законодательного реагирования. С другой стороны, решения законодателя не всегда оказываются оптимальными или эффективными, в связи с чем возникает необходимость внесения в законодательство дальнейших изменений и дополнений с целью совершенствования существующей нормативной базы противодействия терроризму. Правда, следует признать, что само определение эффективности антитеррористических мер является достаточно серьезной проблемой. Например, по утверждению ряда американских ученых, при изучении эффективности принятых после теракта 11 сентября 2001 г. многочисленных программ по противодействию терроризму они обнаружили «почти полное отсутствие оценочных исследований по противодействию терроризму и даже самих оценок, которые позволили бы определить эффективность результатов принятых программ» [1].

Так, в упомянутом выше профильном федеральном законе дважды менялось определение понятия «террористический акт». В момент вступления в силу рассматриваемого документа под террористическим актом понималось «совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения

указанных действий в тех же целях». Уже через три месяца после принятия данного федерального закона, в июле 2006 г., определение террористического акта стало более лаконичным: была отменена ссылка на «наступление экологической катастрофы», а «иные особо тяжкие последствия» были заменены «на иные тяжкие последствия». Однако наиболее принципиальной представляется корректировка целей (хотя в действительности рассматриваемый федеральный закон в то время говорил об одной лишь цели) террористического акта: во-первых, они заключаются не только в противоправном (как ранее), но и в правомерном воздействии; во-вторых, из объектов такого воздействия исключены органы местного самоуправления¹.

Через восемь лет, в 2014 г., законодатель к указанным целям террористического акта добавил еще одну — «дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций»².

Кроме того, в 2010 г. перечень «террористических преступлений» в анализируемом федеральном законе (ст. 24) был дополнен преступлениями, предусмотренными ст. 220 и 221 УК, а в 2014 г. — преступлениями, предусмотренными ст. 282.1–282.3 УК.

Наконец, в 2013 г. в данном федеральном законе было расширено понятие террористической организации, к которой стали относить также террористическое сообщество (в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренно-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ (ред. от 7 февр. 2011 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон РФ от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ // Там же.

го ст. 205.4 УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем)³.

Стоит отметить, что некоторые из перечисленных изменений и дополнений Федерального закона «О противодействии терроризму» действительно заслуживают поддержки, однако есть и сомнительные нововведения, отмена (или корректировка) которых, как мне представляется, пойдет лишь на пользу борьбе с терроризмом.

Прежде всего, необходимо признать неудачными манипуляции с таким признаком террористического акта, как его *цель* (цели). Безусловно, следует согласиться с отказом законодателя от квалификации по ст. 205 УК РФ перечисленных в ней действий с целью влияния на принятие решения органами местного самоуправления. Для такого отказа имелись серьезные основания. Так, террористический акт — это всегда воздействие, явное или скрытое, на государство, тогда как органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (интересно, что даже через год после исключения из диспозиции ч. 1 ст. 205 УК слов об органах местного самоуправления в науке раздавались призывы о расширении «круга адресатов воздействия с целью принятия выгодного для террористов решения путем указания на органы местного самоуправления...» [2]). Вместе с тем в результате внесения в ст. 205 УК изменений стала неясной правовая природа совершения взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, с целью воздействия на принятие решения органами местного самоуправления. Если это уже не террористический акт, то что?

Одновременно с этим возникает вопрос о последствиях замены в определении террористического акта слов «противоправное воздействие» на «воздействие». Очевидно, произведенные в июне 2006 г. изменения в первую очередь направлены на усиление охраны власти, поскольку предполагалось, что любое воздействие на власть, пусть даже правомерное, при наличии указанных в законе обстоятельств следует рассматривать как террористический акт. В таком случае возможен вопрос: разве за-

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон РФ от 2 нояб. 2013 г. № 302-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

конные требования к власти, правомерное воздействие на нее, даже подкрепленные в определенных условиях угрозой или насилием, не могут охватываться составом самоуправства (квалифицирующим признаком которого в процессе дальнейшего совершенствования ст. 330 УК РФ может стать, в частности, самоуправство, совершенное с применением оружия [3])?

Вызывает сомнение еще один шаг законодателя — указание при описании цели террористического акта, наряду с российскими органами власти, такого адресата, как международные организации (причем безотносительно к тому, являются они межгосударственными или негосударственными). Здесь следует обратить внимание на то, что ст. 205 УК, воспроизводящая определение террористического акта, располагается в главе «Преступления против общественной безопасности», тогда как ст. 360 УК, предусматривающая ответственность за близкое к террористическому акту нападение на отдельные международные организации, — в главе «Преступления против мира и безопасности человечества». Представляется, что ответственность за террористический акт в отношении российских и международных организаций должна быть дифференцированной. Однако если в России данное предложение еще только обсуждается [4], то за рубежом оно уже реализовано. Например, в УК Республики Беларусь ответственность за акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации предусмотрена в ст. 124 (глава «Преступления против мира и безопасности человечества»), тогда как ответственность за акт терроризма в отношении белорусских организаций — в ст. 289 (глава «Преступления против общественной безопасности»).

В связи с изложенным заслуживает критики существующая практика дополнения перечня «террористических преступлений», содержащегося в УК РФ. В частности, речь идет о расширении указанного перечня за счет преступлений, предусмотренных ст. 220 и 221 УК. Подобная практика не может быть признана оправданной. Очевидно, с таким же успехом можно относить к террористическим и многие другие преступления, например предусмотренные ст. 222.1 и 226 УК. Думается, что отнесение к террористическим каких-либо преступлений не должно иметь под собой иных оснований, кроме совершения их с «террористическим намерением».

Суммируя сказанное о цели (целях) террористического акта, полагаю излишним ее (их) упоминание в определении данного преступления (большого внимания заслуживает предложение о включении в число квалифицирующих признаков террористического акта, например, мотива ненависти или вражды [5]). Главное в террористическом акте — это *характер совершаемых действий (взрыв, поджог и подобные действия), которые создают опасность гибели человека, наступления иных тяжких последствий, и намерение, с которым они совершаются, — устрашение населения и в конечном счете воздействие на государство.*

Продолжая разговор о развитии законодательства о терроризме, считаю нелогичной и противоречивой еще одну новеллу, а именно: «признание» в ст. 24 (ч. 2) Федерального закона «О противодействии терроризму» в качестве *террористической организации* террористического сообщества. С одной стороны, необходимо иметь в виду, что между понятиями «организация» и «сообщество» в УК (ст. 35) стоит знак равенства, а с другой — тот же УК (ст. 205.4 и 205.5) противопоставляет данные понятия. При этом в профильном федеральном законе содержится ответ на вопрос о том, какая организация является террористической (ст. 24), но нет определения террористического сообщества. В УК РФ ситуация прямо противоположная: дается определение террористического сообщества (ст. 205.4), но нет определения террористической организации (ст. 205.5). Следует признать, что указанные законодательные разночтения вносят лишь путаницу в теорию и практику применения уголовного закона, касающегося форм соучастия в «террористических преступлениях». Представляется, что законодатель должен сформулировать в профильном федеральном законе (желательно в ст. 3 «Основные понятия») определения понятий «террористическое сообщество» и «террористическая организация», которыми следует руководствоваться при конструировании норм, содержащихся в УК РФ (ст. 205.4 и 205.5). При этом, возможно, имеет смысл отказаться от понятия «террористическое сообщество» (неизвестного в зарубежном и международном уголовном праве), заменив его понятием «террористическая организация».

Таким образом, используемый в Федеральном законе «О противодействии терроризму» понятийный аппарат в целом нуждается в се-

рьезной доработке. Причем это касается не только рассмотренных понятий, но также иных, в частности такого понятия, как «террористическая деятельность» [6].

Рост террористической угрозы вынуждает вносить различные предложения, в основном об ужесточении мер, направленных против терроризма. Как показывают исследования британских криминологов (Elaine Campbell), изучивших 73 961 террористическую атаку в 206 странах и территориях мира, совершенную с 1970 по 2006 г., такие атаки сконцентрированы в отдельных государствах. Эта концентрация довольно стабильна в течение длительного времени. Так, на 10 стран приходится 38 % всех таких атак, на 32 страны — свыше трех четвертей. Наиболее быстрый рост террористической угрозы наблюдается в государствах Южной и Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки [7].

В РФ в ответ на рост угрозы терроризма о желании усилить ответственность за «халатность, попустительствующую совершению преступлений террористической направленности» недавно заявили даже в Федеральной палате адвокатов. По мнению ее представителя, «за попустительство терроризму возможно лишение свободы на срок от трех до десяти лет лишения свободы без права занимать определенные должности до 20 лет»⁴. По его словам, соответствующие изменения предлагается внести в ст. 293 УК РФ. 20 ноября 2015 г. в ходе совместного заседания обеих палат Федерального Собрания РФ было предложено установить уголовную ответственность «за призывы к международному терроризму»⁵ и др.

В контексте усиления мер против террористической деятельности отдельного разговора заслуживает вопрос о субъектах ответственности за терроризм. Как известно, международно-правовые документы призывают государства устанавливать ответственность за террористические преступления также *юридических лиц*. Такая ответственность, следует напомнить, установлена в уголовном законодательстве большинства государств англосаксонской семьи права и многих государств романо-германской семьи уголовного права [8].

⁴ ФПА и СФ РФ предлагают ввести 10 лет лишения свободы за попустительство терроризму. URL : http://www.rapsinews.ru/legislation_news/20151120/274953602.htm.

⁵ Без срока давности. URL : http://www.gazeta.ru/politics/2015/11/20_a_7904267.shtml#.

Обязательства государств вводить санкции в отношении юридических лиц, например, за причастность к преступлениям, направленным на финансирование и иные формы поддержки терроризма и экстремизма, предусмотрены Международной конвенцией о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г., ратифицирована Федеральным законом «О ратификации Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» от 10 июля 2002 г. № 88-ФЗ), Европейской конвенцией о пресечении терроризма (подписана от имени РФ в г. Будапеште 7 мая 1999 г., ратифицирована федеральным законом от 7 августа 2000 г. № 121-ФЗ) и рядом других документов. Так, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. предлагает государствам, ее подписавшим, устанавливать юридическую, включая уголовную, ответственность юридических лиц за совершение любого преступления, предусмотренного ст. 5–7 и 9 данной Конвенции⁶. В указанных статьях непосредственно раскрываются такие понятия, как «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления» (ст. 5), «вербовка террористов» (ст. 6) и «подготовка террористов» (ст. 7).

Согласно Конвенции, каждое государство должно принимать меры для признания в своем внутреннем законодательстве указанных деяний, в случае их совершения незаконно и умышленно, преступлениями. Аналогичная мера должна быть применена также в отношении «сопутствующих преступлений», к которым Конвенция (ст. 9) относит:

- соучастие в преступлении, указанном в ст. 5–7 Конвенции;
- организация или наставление других лиц на совершение преступления, указанного в ст. 5–7 Конвенции;
- содействие совершению одного или нескольких преступлений, указанных в ст. 5–7 Конвенции, группой лиц, действующих с общей целью. При этом такое содействие должно быть умышленным и оказываться либо в целях содействия преступной деятельности или достижения преступной цели группы, если такая

⁶ Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Федеральным законом от 20 апреля 2006 г. № 56-ФЗ, которая вступила в силу 1 июня 2007 г. (Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. URL : <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/196.htm>).

деятельность или цель связаны с совершением преступления, указанного в ст. 5–7 Конвенции, либо при осознании умысла группы совершить преступление, указанное в ст. 5–7 Конвенции.

В последнее время призыв к установлению уголовной ответственности юридических лиц за терроризм, несмотря на наличие общих проблем реализации предложения о введении такой уголовной ответственности [9; 10], стал особенно актуальным. Это связано прежде всего с появлением первой в мире террористической организации — миллиардера, именующей себя «Исламским государством» (далее — ИГИЛ или ИГ)⁷. О степени активности ИГ, идеологию которого на Западе называют «исламской экстремистской» [11], свидетельствуют, в частности, данные из доклада «Глобальная оборона» британского исследовательского центра IHS Jane's. В третьем квартале 2015 г. число ежедневных атак ИГ возросло более чем на 40 %. В исследовании сообщается о 1 086 атаках ИГ по всему миру, зарегистрированных между июлем и сентябрем 2015 г. Это примерно 12 атак в день или 42-процентное увеличение в сравнении с предыдущим кварталом⁸. Именно эта организация взяла на себя ответственность за взрыв российского авиалайнера в Египте и вооруженные нападения во Франции (ноябрь 2015 г.), повлекшие сотни человеческих жертв. Наконец, на совести ИГ геноцид целой этноконфессиональной группы населения Ирака — езидов⁹ [12].

⁷ Запрещена в РФ Верховным Судом Российской Федерации (решение от 29 дек. 2014 г. № АКПИ14-1424С, вступ. в силу 13 февр. 2015 г.). Другие названия ИГ: «Исламское государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), «Исламское государство Ирака и Шама». Краткое арабское название — ДАИШ.

⁸ ИГИЛ атакует по всему миру. URL : <http://www.golos-ameriki.ru/content/global-islamic-state-attack-spike-in-3rd-quarter/3018390.html>.

⁹ В июне 2016 г. специальная Комиссия ООН заявила, что «Исламское государство» совершило геноцид езидов, и призвала Совет Безопасности передать это дело на рассмотрение в Международный уголовный суд (МУС). Боевики «Исламского государства» захватили большие участки территории в Ираке и Сирии. Однако, поскольку обе страны не являются членами МУС, прокурор Суда не сможет инициировать расследование, пока не получит соответствующий запрос от Совета Безопасности, куда входят 15 стран (Our Generation is gone. The Islamic State's Targeting of Iraqi Minorities in Ninewa. URL : <http://www.usmmm.org/m/pdfs/Iraq-Bearing-Witness-Report-111215.pdf>).

Численность боевиков этой международной террористической организации ЦРУ США оценивает в 31 тыс. чел. (по состоянию на январь 2015 г.)¹⁰, однако, согласно другим источникам, возможность ИГ вести наступление одновременно на нескольких фронтах в Ираке и Сирии свидетельствует о том, что «ее численность не менее 200 тысяч человек, то есть в шесть-семь раз больше, чем полагает ЦРУ»¹¹. Разнятся также цифры относительно численности джихадистов-иностранцев. Согласно специальному докладу ООН (июнь 2014 г.), их свыше 15 тыс. чел. из более чем 80 государств мира [13]. Другие оценки приводят власти Сирии, по утверждению которых в вооруженных формированиях ИГ только из стран — участниц СНГ состоят около 10 тыс. чел.¹² Такая же история с джихадистами из РФ. Вначале их численность оценивалась в несколько десятков¹³, затем — в 700–800 чел.¹⁴ Но уже в декабре 2014 г. в Национальном антитеррористическом комитете (НАК) заявили о том, что в рядах ИГ воюют от 800 до 1 500 россиян¹⁵. В сентябре 2015 г. министр внутренних дел РФ привел другую статистику, указав, что на стороне ИГ воюют 1,8 тыс. российских граждан¹⁶, однако, по данным ФСБ, «число россиян, сражающихся в рядах ИГ, возросло с 1 700 в феврале 2015 г. до 2 400 в сентябре»¹⁷. По данным консалтинговой компании по вопросам безопасности

Soufan Group (США), по состоянию на декабрь 2015 г. выходцы из России составляют третью по численности национальную группу в составе ИГ после выходцев из Туниса и Саудовской Аравии¹⁸. Кроме того, многие граждане республик Средней Азии, стремящиеся попасть в Сирию, отправляются туда через Россию: «80–90 % бойцов ИГИЛ из числа граждан Узбекистана, Таджикистана и Киргизии были завербованы в России»¹⁹.

Безусловно, без поддержки правящих кругов Турции²⁰ и ошибок возглавляемой США коалиции [14] деятельность ИГ не превратилась бы в угрозу глобального масштаба. В любом случае факты регулярного и внушительного пополнения рядов джихадистов гражданами РФ и других государств являются результатом активности не только отдельных физических лиц, в этом немалая заслуга также юридических лиц. Вот почему установление надежного правового заслона на пути деятельности юридических лиц — важное направление в борьбе против терроризма.

В Федеральном законе «О противодействии терроризму» имеется норма об ответственности организаций «за причастность к терроризму» (ст. 24), которая сводится к запрету создания и деятельности террористической организации (ч. 1), а также ликвидации такой организации (ч. 2). Об ответственности организаций говорится также в отечественном административном законодательстве. Согласно ст. 15.27.1 («Оказание финансовой поддержки терроризму»), которая была введена в КоАП лишь в 2014 г. (федеральным законом № 130-ФЗ), наказуемы (штрафом в размере от 10 млн до 60 млн р.) предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, если они предназначены (альтернативно):

– для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ;

– обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования,

¹⁰ Как устроено «Исламское государство»: истоки, цели, финансы. URL : http://www.bbc.com/russian/international/2015/11/151117_islamic_state_roots_money_religion.

¹¹ Курды: ИГ насчитывает 200 тыс. человек, что больше оценки ЦРУ. URL: <https://ria.ru/world/20141117/1033665139.html>.

¹² В Сирии насчитали 10 тысяч выходцев из стран СНГ в рядах ИГ. URL : <https://news.mail.ru/incident/24029274/?frommail=1>.

¹³ МИД: в рядах «Исламского государства» — десятки россиян. URL : http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/09/140929_islamic_state_russians.

¹⁴ Самые эффективные бойцы ИГИЛ — закаленные в боях чеченцы. URL : <http://www.golos-ameriki.ru/content/tlisova-kalandadze-fighters-isis-cheches/2466651.html>.

¹⁵ НАК: к джихадистам могли присоединиться до 1 500 россиян. URL : http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2014/12/141216_russia_extremists_activity.

¹⁶ Глава МВД назвал число воюющих на стороне ИГ россиян. URL : <https://news.mail.ru/politics/23340837/?frommail=1>.

¹⁷ Russia and radicalisation: Homegrown problem. URL : <http://www.ft.com/home/europe>.

¹⁸ Эксперты: Число выходцев из России в ИГ увеличилось втрое за год. URL : <http://www.dw.com/ru/эксперты-число-выходцев-из-россии-в-иг-увеличилось-втрое-за-год/a-18902936>.

¹⁹ URL : <http://www.ft.com/home/europe>.

²⁰ Послание Президента Федеральному Собранию. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.

преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Здесь необходимо обратить внимание, что перечисленные действия наказуемы не только по КоАП РФ (ст. 15.27.1 с диспозицией и санкцией, вызывающей неоднозначную реакцию [15–17]), но также по УК РФ, ст. 205.1 которого предусматривает ответственность за финансирование терроризма. Согласно примечанию 1 к ст. 205.1 УК, под финансированием терроризма понимается предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены:

– для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК;

– обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из указанных преступлений.

Таким образом, разница между указанными в КоАП и УК деяниями заключается не только в наказании (его виде и размере), но и в том, что субъектом первого из них выступает исключительно юридическое лицо, а второго — физическое лицо.

В 2015 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ был внесен законопроект об установлении уголовной ответственности юридических лиц за ряд преступлений, в том числе предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.4, 220, 277, 360 УК²¹.

Поддерживая в целом предложение об установлении уголовной ответственности юридических лиц за терроризм, все же нельзя не сказать о тех сомнениях, которые возникают относительно проектов перечисленных выше статей.

Прежде всего, не совсем ясно, почему в одних случаях ответственность юридического лица предлагается устанавливать за деяние, предусмотренное ч. 1 (ст. 205, 205.1, 205.4 УК), а в других — не только ч. 1, но также ч. 2 (ст. 205.2 УК). Точно так же вызывает удивление использо-

вание в одном случае формулировки «деяние, совершенное юридическим лицом или в интересах юридического лица» (ст. 205.1, 205.2, 360 УК), в другом — «деяние, совершенное в интересах юридического лица» (ст. 205, 205.1, 277 УК), а в третьем — «деяние, совершенное юридическим лицом» (ст. 208, 220 УК).

По поводу совершения преступления в интересах юридического лица анализируемый законопроект гласит следующее: «Преступление считается совершенным в интересах юридического лица, если одним из его мотивов было приобретение юридическим лицом в результате совершения такого преступления выгод имущественного либо неимущественного характера, в том числе получение прибыли (увеличение размера прибыли), избежание или уменьшение размера издержек или убытков, уклонение от имущественной или иной предусмотренной законодательством Российской Федерации ответственности, приобретение прав либо освобождение от обязанностей». Однако что следует понимать под деянием (преступлением), совершенным юридическим лицом, законопроект умалчивает. Правда, в пояснительной к нему записке дается определение преступности юридических лиц, под которой понимается «совокупность преступлений, совершенных в интересах юридических лиц либо с использованием финансовых и иных возможностей юридических лиц»²². Как мне представляется, совершение преступления юридическим лицом вряд ли может быть сведено только к использованию им «финансовых и иных возможностей». Скорее всего, авторам законопроекта следовало идти путем, которым пошел, например, французский законодатель, ограничивший случаи привлечения юридических лиц к уголовной ответственности лишь за преступные деяния, «совершенные в их пользу» (ст. 121-2 УК Франции).

Известно, что терроризм есть тогда, когда есть его финансирование [18]. Так, по данным правительства Германии, ИГ «располагает финансовым фондом в сумме от 1 до 2 миллиардов долларов». В свою очередь, международная организация по борьбе с отмыванием денег

²¹ О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц : проект федер. закона РФ № 750443-6 (текст по состоянию на 23 марта 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

²² Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

(FATF²³) в своем докладе «Большой двадцатке» (15 ноября 2015 г.) указывает, что «больше всего осуждений за финансирование терроризма в период с 2010 года было в Саудовской Аравии — 863 случая. На втором месте США — 100 осуждений. По суммарным объемам лидирует тоже Саудовская Аравия — 31 миллион евро, на втором США с 20 миллионами»²⁴. Вместе с тем, а это признают и отдельные западные криминологи (Michael Levi), несмотря на высокую мотивацию правительств и финансовых учреждений различных государств по противодействию финансированию терроризма, действительную прибыль, которую получают террористические организации, трудно определить [19].

УК РФ содержит нормы о наказуемости финансирования терроризма. При этом рассматриваемый законопроект предлагает дополнить ст. 208 УК частью 3 следующего содержания: «Финансирование создания вооруженного формирования, действующего на территории Российской Федерации и не предусмотренного федеральным законом Российской Федерации, финансирование или оказание иной материальной помощи такому формированию, а равно финансирование действующего на территории иностранного государства вооруженного формирования, не предусмотренного законодательством данного государства, или оказание иной материальной помощи такому формированию, если эти действия совершены юридиче-

ским лицом в целях, противоречащих интересам Российской Федерации».

Представляется, что в законопроекте речь должна идти не просто о незаконном вооруженном формировании²⁵, а о международной террористической организации. Например, сотни граждан иностранных государств, включая РФ, присоединились к вооруженной борьбе против ИГ в составе курдских формирований, действующих на территории Сирии (отряды народной самообороны Сирийского Курдистана — YPG и YPJ)²⁶. Они являются вооруженными, но не террористическими. Террористическими их считают только власти Турции (бомбя их и тем самым помогая ИГ²⁷), но не власти РФ, США, Франции, Германии и других государств, союзниками которых в войне против джихадистов являются именно курды²⁸.

Кроме того, в законопроекте речь следует вести не только о финансировании деятельности уже действующей на территории иностранного государства террористической организации, но также о финансировании создания такой организации. Точно так же в ч. 1 ст. 208 УК должна быть установлена ответственность за создание не только на территории РФ, но и на территории иностранного государства международной террористической организации.

²⁵ Кстати, в 2014 г., по данным МВД, в РФ было возбуждено 477 уголовных дел по обвинению в участии в незаконных вооруженных группировках за границей, — это почти вдвое больше, чем в 2013 г. (URL : <http://www.dw.com/ru/источники-финансирования-иг-откуда-деньги-у-террористов/a-18902290>).

²⁶ Западные добровольцы сражаются против ИГ. URL : http://www.bbc.com/russian/international/2015/03/150314_kurds_western_volunteers.

²⁷ Без Турции не было бы ИГИЛ — экс-глава израильской разведки. URL : http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201512020815-6i2p.htm.

²⁸ См., напр.: США призвали Турцию бомбить ИГ, а не курдов. URL : <http://nr.news-republic.com/Web/ArticleWeb.aspx?regionid=14&articleid=53081318>.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lum C. Are counter-terrorism strategies effective? The results of the Campbell systematic review on counter-terrorism evaluation research / Cynthia Lum, Leslie W. Kennedy, Alison Sherley // *Journal of Experimental Criminology*. — 2006. — Vol. 2, iss. 4. — P. 489–516.

2. Мусаелян М.Ф. Террористический акт: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ф. Мусаелян. — М., 2007. — 28 с.

3. Капканов В.И. Уголовная ответственность за самоуправство: проблемы законодательной регламентации и квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / В.И. Капканов. — СПб., 2006. — 24 с.

4. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.У. Дикаев. — СПб., 2004. — 50 с.

5. Велиев Ф.З. Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ф.З. Велиев. — М., 2015. — 29 с.

6. Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ / С.М. Кочои // *Lex Russica*. — 2014. — № 9. — С. 1061–1069.
7. Campbell E. The cultural politics of justice: Bakhtin, stand-up comedy and post — 9/11 securitization / Elaine Campbell // *Theoretical Criminology*. — 2011. — Vol. 15, iss. 2. — P. 159–177.
8. Власов И.С. Законодательная и судебная практика привлечения к уголовной ответственности юридических лиц: (на примере США, Нидерландов, Швеции, Дании, Испании) / И.С. Власов // *Преступления в предпринимательской и банковской сферах за рубежом* : сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Л. Ананиан, И.С. Власов. — М. : ИНИОН, 2004. — С. 52–59.
9. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц / А.В. Наумов // *Lex Russica*. — 2015. — № 7. — С. 57–63.
10. Федоров А.В. Перспективы введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации / А.В. Федоров // *Библиотека криминалиста*. — 2015. — № 5 (22). — С. 172–187.
11. Amirault J. Timing is everything: The role of contextual and terrorism-specific factors in the sentencing outcomes of terrorist offenders / Joanna Amirault, Martin Bouchard // *European Journal of Criminology*. — 2015. — Apr. 14. — DOI : 10.1177/1477370815578194.
12. Хасан Хунар Амеен Хасан. Преступление геноцида в Ираке: проблемы уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Хасан Хунар Амеен Хасан. — М., 2015. — 31 с.
13. Barrett R. Foreign Fighters in Syria [Electronic resource] / Richard Barrett. — Mode of access : <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/06/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria.pdf>.
14. Braithwaite A. Space-Time Modeling of Insurgency and Counterinsurgency in Iraq / Alex Braithwaite, Shane D. Johnson // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — Vol. 28. — P. 31–48.
15. Бородин С.В. Концепция уголовно-правовой политики через призму системного подхода / С.В. Бородин // *Российская юстиция*. — 2014. — № 3. — С. 51–54.
16. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ / В.И. Гладких // *Российский следователь*. — 2014. — № 5. — С. 34–38.
17. Ломакина В.Ф. Актуальные вопросы правового регулирования административной ответственности в России / В.Ф. Ломакина // *Административное право и процесс*. — 2014. — № 9. — С. 56–60.
18. Федорченко А.В. Феномен «Исламского государства» / А.В. Федорченко, А.В. Крылов // *Вестник МГИМО-Университета*. — 2015. — № 2. — С. 174–183.
19. Levi M. Combating the financing of terrorism: A history and assessment of the control of «threat finance» / Michael Levi // *The British Journal of Criminology*. — 2010. — Vol. 50, iss. 4. — P. 650–669.

REFERENCES

1. Lum Cynthia, Kennedy Leslie W., Sherley Alison. Are counter-terrorism strategies effective? The results of the Campbell systematic review on counter-terrorism evaluation research. *Journal of Experimental Criminology*, 2006, vol. 2, iss. 4, pp. 489–516.
2. Musaelyan M.F. *Terroristicheskiy akt: ugovolno-pravovoi aspekt. Avtoref. Kand. Diss.* [A terrorist act: criminal law aspect. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2007. 28 p.
3. Kapkanov V.I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za samoupravstvo: problemy zakonodatel'noi reglamentatsii i kvalifikatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Criminal liability for private justice: issues of legal regulation and qualification. Cand. Diss. Thesis]. Saint Petersburg, 2006. 24 p.
4. Dikaev S.U. *Terrorizm: fenomen, obuslovlennost' i mery protivodeistviya (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie). Avtoref. Kand. Diss.* [Terrorism: phenomenon, causality and counteraction measures (criminal law and criminological study). Cand. Diss. Thesis]. Saint Petersburg, 2004. 50 p.
5. Veliev F.Z. *Motiv nenavisti ili vrazhdy i ego ugovolno-pravovoe znachenie. Avtoref. Kand. Diss.* [Motives of hatred or animosity and their criminal law significance. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 29 p.
6. Kochoi S.M. All-European antiterrorist legislation and prospects of reforming Criminal Code of the Russian Federation. *Lex Russica*, 2014, no. 9, pp. 1061–1069. (In Russian).
7. Campbell Elaine. The cultural politics of justice: Bakhtin, stand-up comedy and post — 9/11 securitization. *Theoretical Criminology*, 2011, vol. 15, iss. 2, pp. 159–177. (In Russian).
8. Vlasov I.S. Legislative and court practice of prosecuting legal persons (using the examples of the USA, the Netherlands, Sweden, Denmark, Spain). In Ananian L.L., Vlasov I.S. (eds). *Prestupleniya v predprinimatel'skoi i bankovskoi sferakh za rubezhom* [Crimes in the Spheres of Entrepreneurship and Banking Abroad]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences (INIION) Publ., 2004, pp. 52–59. (In Russian).
9. Naumov A.V. Criminal responsibility of legal entities. *Lex Russica*, 2015, no. 7, pp. 57–63. (In Russian).
10. Fedorov A.V. Prospects of the introduction of criminal liability of legal persons in the Russian Federation. *Библиотека криминалиста = Criminalist's Library*, 2015, no. 5 (22), pp. 172–187. (In Russian).
11. Amirault Joanna, Bouchard Martin. Timing is everything: The role of contextual and terrorism-specific factors in the sentencing outcomes of terrorist offenders. *European Journal of Criminology*, 2015, April 14. DOI: 10.1177/1477370815578194.
12. Khasan Khunar Ameen Khasan. *Prestuplenie genotsida v Irake: problemy ugovolnoi otvetstvennosti. Avtoref. Kand. Diss.* [Genocide crimes in Iraq: issues of criminal liability. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 31 p.
13. Barrett Richard. *Foreign Fighters in Syria*. Available at: <http://soufangroup.com/wp-content/uploads/2014/06/TSG-Foreign-Fighters-in-Syria.pdf>.
14. Braithwaite Alex, Johnson Shane D. Space-Time Modeling of Insurgency and Counterinsurgency in Iraq. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, pp. 31–48.
15. Borodin S.V. The concept of criminal-legal policy through the prism of the system approach. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2014, no. 3, pp. 51–54. (In Russian).

16. Gladkikh V.I. New legal mechanisms of fighting terrorism: a critical analysis. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2014, no. 5, pp. 34–38. (In Russian).
17. Lomakina V.F. Topical issues of legal regulation of administrative responsibility in Russia. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*, 2014, no. 9, pp. 56–60. (In Russian).
18. Fedorchenko A.V., Krylov A.V. The Phenomenon of «Islamic State». *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2015, no. 2, pp. 174–183. (In Russian).
19. Levi Michael. Combating the financing of terrorism: A history and assessment of the control of «threat finance». *The British Journal of Criminology*, 2010, vol. 50, iss. 4, pp. 650–669.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочои Самвел Мамадович — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kochoi, Samwel M. — Professor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кочои С.М. Пробелы в законодательстве о терроризме и предложения по их устранению / С.М. Кочои // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 4. — С. 740–749. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(4).740-749.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kochoi S.M. Gaps in anti-terrorism legislation and proposals for bridging them. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 740–749. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).740-749. (In Russian).